

Стена-убийца

Холодный ветер из далекой северной страны несется над поверхностью реки Чанцзян, налетает на древний город Нанкин и, словно нож, режет щеки прохожих. Все торопятся. Ло Чжоу стоит на холодном ветру, который взлохматил его волосы. Прищурившись, он смотрит вдаль, на этот город – одну из шести древних столиц Китая¹. Он так надеется, что пойдет снег, долгожданный снег, ведь настоящая зима – это когда идет снег, хотя он понимает, что зима символизирует смерть.

Зимой в Нанкине воздух полон сырости. Никто не может точно сказать, откуда она. Она пронизывает Ло Чжоу, каждое здание, каждое дерево, каждую травинку. Ло Чжоу казалось, что это дыхание идет из-под земли. Он вздрогнул и наконец покинул ветреное место и пошел на фабрику.

Это была очень старая на вид фабрика и, как большинство государственных предприятий в Китае сегодня, непрерывно боролась с трудностями. Ло Чжоу понимал, что судьба фабрики подошла к концу, на фабрике уже задержали зарплату за несколько месяцев. А этот подлый директор, наделавший долгов, бежал неизвестно куда. Фабрику объявили банкротом, земля была уже продана. Не пройдет и несколько дней, как фабрику сравняют с землей.

В огромном фабричном районе не было людей, всюду полная безжизненность. Эта тишина вызывала у Ло Чжоу чувство разочарования и досады.

Вдруг раздался пронзительный сигнал машины скорой помощи, и он увидел, как она въехала на фабрику. Что-то случилось? Он быстро последовал за машиной, пробежал совсем недалеко, как машина остановилась, из нее вышли несколько мужчин в белых куртках и вбежали в старую пристройку. Ло Чжоу остановился перед ней. Он знал, что там нет людей, а только комната для отдыха ночных дежурных.

Очень скоро из здания появились мужчины в белом, ведя под руки Лао Ли. А тот громко кричал:

- Убивают людей, убивают людей! Черти² убивают людей, убивают людей!..

Его резкий голос пронзил тихую фабрику. Что случилось? У Ло Чжоу забило сердце. Лао Ли обычно был очень добродушным человеком застенчивым и ласковым, малоразговорчивым и никогда не вел себя так, как сейчас. Он словно сошел с ума, все время вырывался из рук этих крепких мужчин. Глаза у него покраснели, шея вытянулась, волосы встали торчком, он беспорядочно отбивался и пинался. На лицах мужчин рядом с ним видно было несколько свежих синяков и кровоподтеков. Они явно прилагали огромные усилия, чтобы удерживать худенького Лао Ли.

- Что с ним? – в недоумении спросил Ло Чжоу, когда они проходили мимо.

- С вашей фабрики сообщили, что кто-то сошел с ума. И действительно, его состояние тяжелое. Ай! – Это Лао Ли снова пнул мужчину в белом.

Лао Ли увидел Ло Чжоу, его глаза расширились:

- Они убивают людей! Черти убивают людей!

Но он сразу же замолчал, словно охрипнув от крика, хотя по-прежнему боролся. Белые куртки затащили его в машину скорой помощи, затем завели машину и уехали. Ло Чжоу только сейчас заметил надпись на машине – “Психбольница”. Ло Чжоу все время чувствовал сегодня утром что-то необычное, воздух был наполнен каким-то особым запахом. Он яростно помотал головой. В ушах все еще звучали слова Лао Ли. Черти убивают людей? Наверное, Лао Ли действительно сошел с ума.

¹ Имеются в виду Пекин, Сиань, Кайфэн, Лоян, Ханчжоу и Нанкин.

² Китайцы часто называют чертями японцев.

Вдруг он увидел торопливо подходившего Лао Чжана. Ло Чжоу расспросил его о Лао Ли. Лао Чжан сказал:

- Это я вызвал психбольницу по телефону. Вчера вечером Лао Ли дежурил в ночь. Не знаю, что произошло – сегодня утром он превратился в сумасшедшего.. Когда я увидел его, он крепко схватил меня и стал говорить что-то непонятное.

- Что он говорил?

- Я не понял. Что-то насчет того, что убивают людей. Страшно слушать! Он говорил, что у стены позади комнаты для дежурных черти убивали людей. Вздор какой-то! Просто с ума сошел. Жалко беднягу – мучился всю жизнь и в конце концов попал в психбольницу, - приговаривал Лао Чжан, выражение лица у него было удивленным и испуганным.

- Да. Но только ...

Лао Чжан тоже был старым рабочим, проработал здесь 30 с лишним лет. Он хотел что-то сказать и вдруг замолчал.

- Но только что?

- Раньше здесь уже случалось нечто подобное: некоторые люди после ночного дежурства непонятно почему сходили с ума. И все они говорили, что видели чертей, или что видели какие-то страшные сцены. Это проверяли, но безрезультатно, - сдавленно проговорил Лао Чжан.

- Ты говоришь, черти водятся?

- Кто знает? Считаю, что я ничего не говорил. Я пошел.

Он не осмелился больше оставаться здесь и торопливо ушел.

Смотря ему вслед, Ло Чжоу тщательно обдумывал его слова. Думал-думал, и у него невольной мороз пошел по коже. Он никогда не верил, что в мире есть привидения. Но Лао Ли действительно сошел с ума! Что же он увидел?

Перед пристройкой было пусто. Тень Лао Чжоу под зимним солнцем то вырастала, то исчезала. Она тянулась по земле и раскачивалась в такт его шагам, словно черный призрак. Он завернул за пристройку и увидел перед ней черную круглую стену, возвышавшуюся в лучах зимнего солнца, ее поверхность была прочной и плотной. На вид высокая и большая, словно черный откос, стена была длинная, самое меньшее 50 метров. На ее обоих концах были часто встречающиеся кирпичные стены, выложенные белым цементом. Они представляли явный контраст с этой черной стеной. Перед ней было открытое пространство, здесь могло уместиться по меньшей мере несколько сот человек. На земле ничего не было, не росло ни травинки, только белая земля. Похоже на безжизненную пустыню. Он посмотрел на стену, и вдруг на душе у него стало неуютно, дыхание участилось, и он невольно отступил на несколько шагов назад.

Ветер продолжал дуть. Внезапно у него возникло ощущение, что эта стена может внезапно обвалиться и придавить его, превратить в месиво. Он понимал, что это всего лишь галлюцинации, но это чувство было очень реальным и вызвало у него тревогу. А вдруг он тоже сойдет с ума, как Лао Ли? Он больше не хотел смотреть на нее и дрожал то ли от холода, то ли еще отчего-то. Эта стена, обладавшая какой-то колдовской силой, по-прежнему высилась у него перед глазами. Ее черная поверхность была гладкой и словно жаловалась ему на что-то.

- Нет! – Ло Чжоу покачал головой и закрыл глаза, затем быстро повернулся и ушел.

Едва пройдя несколько шагов, он увидел: какой-то человек в черном плаще стоит возле пристройки и смотрит на стену. Ло Чжоу внимательно посмотрел на него. Лицо было незнакомым. Он упорно искал в памяти и наконец вспомнил

– месяц назад приезжали японцы в черной “Тойоте”, осмотрели всю фабрику и специально подходили сюда. Это у многих вызвало недоумение: почему они интересуются этим чертовым местом? Однако Ло Чжоу несколько дней сопровождал японцев. Хотя они были очень любезны и вежливы с китайцами, но что-то в душе Ло Чжоу противилось сближению с ними. Этот человек как раз и был одним из них.

Когда Ло Чжоу проходил мимо, тот улыбнулся ему и слегка поклонился; а в уголках губ мелькнуло что-то странное. Ло Чжоу остановился. На пронизывающем северном ветру его взор стал острым, взгляды обоих скрестились, словно происходило какое-то противостояние. В конце концов японец сдался и отступил на несколько шагов назад. За ним стояло японское такси “Ниссан”. Дверца открылась. Внутри, похоже, было несколько человек. Он сел в машину, затем машина тронулась.

Перед тем, как сесть в машину, этот японец бросил на него последний взгляд, вызвавший у Ло Чжоу некоторое недоумение. Зачем они приезжали сюда? Эта фабрика совсем не представляет какой-либо выгоды для них, напротив, это бремя. Но они выбросили огромные деньги и купили эту землю и все фабричные сооружения. До сих пор никто не знает, какая выгода японцам покупать эту землю.

- Наверное, люди во всем мире сошли с ума, – выругался про себя Ло Чжоу.

На территории фабрики царило запустение. Ло Чжоу прошатался весь день. Постепенно стемнело, северный ветер завывал еще яростнее. Он не пошел домой, потому что сегодня было его ночное дежурство. Перекусив немного на ужин, он вошел в комнату для дежурных в пристройке. Вчера вечером Лао Ли провел ночь как раз в этой комнате, а на следующий день утром его увезли в психбольницу. Подумав об этом, Ло Чжоу испытал какую-то непонятную дрожь. Он вовсе не был трусом, но в ушах у него все время звучали безумные речи Лао Ли, его пронзительный голос весь день мучал его. Он сидел в дежурке, смотря на ночь за окном. Уже совсем стемнело, на небе не было ни луны, ни звезд, только ревел ветер. Он смотрел за окно, и в голове вдруг невольно всплыли слова – безлунная и ветреная ночь убийства.

Он больше не хотел об этом думать. Лучше уж поверить, что сумасшествие Лао Ли вызвано воображением, а в действительности ничего не случилось, все это его собственные фантазии.

- Часто человек сам себя пугает до смерти, – сказал себе Ло Чжоу, который любил читать романы Стивена Кинга.

Он завернулся в одеяло, которое принес с собой, и улегся на кровать в дежурке. К счастью, здесь было паровое отопление, и он совсем не ощущал холода. Когда он выключил свет, комната погрузилась во мрак, стало темно, как в могиле. Он закрыл глаза, и ему показалось, что он лежит не на кровати, а в гробу.

Прошло много времени, а он так и не смог заснуть. Ему все время казалось, что за окном раздаются какие-то звуки. Наверное, это ветер трепал навес за окном. Этот звук походил на удары военного барабана; хотя он был заунывным, но разносился очень далеко, в особенности по ветру.

Трудно заснуть под рев ветра за окном. В ушах у него вдруг снова прозвучал голос Лао Ли:

- Они убивают людей!.. Черти убивают людей!

- Нет! - Ло Чжоу больше не мог выдержать, он громко вскрикнул и поднялся. Раскрыл глаза - за окном по-прежнему была темнота и рев ветра. Внезапно он ощутил, что по спине течет пот. Больше он не заснул. Отбросив одеяло, надел

куртку и вышел из дежурки. Куда теперь идти? Он и сам не мог бы точно сказать. Он просто не мог больше оставаться в дежурке. В пустом коридоре звучали его шаги, все время раздавалось странное эхо. В коридоре не было света, и он, словно слепец, на ощупь пошел к выходу.

Ветер, пришедший из северных стран, мгновенно взъерошил его волосы, он весь дрожал на ветру, словно его в любой момент могло унести ветром. Сначала он хотел выйти за территорию фабрики, побродить по улицам – там наверняка еще будет народ и можно будет скоротать время. Но не сделал этого, а пошел в другом направлении – за пристройку, хотя и знал, что позади нее находится черная стена. Зачем он пошел туда, он и сам не понимал. Хотя он сам себя предостерегал, что не надо идти туда, но ноги словно бы не принадлежали ему и сами собой шли туда. Он поднял воротник, дыша на ладони и потирая их. За поворотом вдруг увидел свет. До этого он все время был в темноте и оглядывался по сторонам, поэтому его глазам было трудно приспособиться. Он поморгал, потер их руками и спустя несколько мгновений разглядел, что это было. В этом белом свете он наконец увидел чертей. Черти! Как раз у этой черной стены. В холодной пронизывающей темной ночи белый свет освещал пустырь, и черная стена казалась почти белой. У стены он разглядел призрак, не один, а много призраков. Нет, это могли быть и люди, но он не мог точно различить, люди это или черти. Он весь дрожал, не зная, что делать. Ноги словно онемели, широко раскрыв испуганные глаза, он пристально смотрел на все происходившее у стены. Убивали людей! Они убивали людей! Он увидел много людей, одетых в рваные ватные куртки и пестрое старье. Их лица, освещаемые этим белым светом, были очень бледными, растерянными от страха, рты широко раскрыты, словно они что-то кричали. Но он ничего не слышал, кроме яростного рева и завывания северного ветра в темной ночи. Он не мог сосчитать, сколько людей стояло у стены – на взгляд не меньше ста или двухсот человек. Они выстроились длинными рядами, словно для коллективной фотографии. Но не похоже, чтобы это была съемка, потому что среди них не было порядка, они сбились в кучу; некоторые поддерживали друг друга, а многие были связаны веревками. Половина из них были женщины, полураздетые, с выражением смущения и стыда на лицах. Было даже несколько беременных женщин с большими животами. Было также много седых стариков и озорных детей. Взрослых мужчин было совсем немного. Некоторые дети на руках у матерей были еще совсем маленькими. Ло Чжоу даже заметил среди них одного новорожденного, сосавшего молоко. Что это за люди? Почему они глубокой ночью пришли на эту фабрику, которую вот-вот снесут? Ло Чжоу начал подозревать, не сошел ли он с ума, как Лао Ли, и из-за этого появились галлюцинации. Нет, это не галлюцинации! Он действительно видит этих людей. Они стояли у стены и со страхом и испугом смотрели на него.

- Кто вы? – крикнул Ло Чжоу.

Хотя все они, судя по движению губ, что-то говорили, он ничего не слышал.

Вдруг перед стеной появилась группа людей. Они были одеты в форму японской армии, которую можно часто видеть по телевидению, на головах зеленые каски, в руках – винтовки и автоматы.

- Что, снимаете кино? Почему не сообщили фабрике? - окликнул их Ло Чжоу.

Похоже, они не слышали его слова. Вдруг он увидел, как из винтовок вырвалось пламя. Боже, они действительно открыли огонь! Но он не слышал ни звука, словно смотрел немой фильм 20-ых годов. Несколько человек, одетых в японскую солдатскую форму, держали автоматы, они упали на землю, из автоматов непрерывно вырывалось пламя. Все дула были направлены на одну цель – толпу у стены.

В кого-то попали! Нет, во многих попали! В груди у них появилась большая дыра, алая кровь, словно фонтан, хлынула из груди, из живота, даже из головы. Кровь окрасила в красное их куртки, окрасила пустошь под ногами. Упал первый ряд раненых, второй... У всех раненых были широко раскрыты рты. Хотя Ло Чжоу не слышал их голосов, но по губам прочитал, что они кричат “Спасите!”, некоторые кричали “Скоты!” Ло Чжоу смотрел на все это, раскрыв рот. Он не мог сделать ни шагу, не знал, правда ли то, что он видит перед глазами, или это галлюцинация. Можно было утверждать только одно: сейчас у стены происходит страшное дело – убийство людей. Не снимается фильм, а происходит самое настоящее убийство. Да, черти убивают людей. Убивают людей! Как раз возле этой черной стены. Эти одетые в японскую военную форму, в стальных касках, с винтовками и автоматами, без причины стреляющие в толпу, - это не люди. Это вовсе не люди, а черти.

Лао Ли вовсе не сошел с ума, то, что он говорил, - это правда. Черти убивают людей.

Безлунная ветреная ночь убийства. Ло Чжоу видел, как падали раненые дети, на их лицах все еще висела улыбка. Наверное, они действительно считали, что эти люди пришли сфотографировать их. Одна мать защитила ребенка своим телом, но пули пронзили ее тело и покончили с двумя жизнями. А еще... еще были беременные женщины... их животы, пробитые пулями... При взгляде на все это Ло Чжоу испытал внезапную тошноту, ему хотелось плакать.

На лицах упавших были самые различные выражения: некоторые испытывали гнев, некоторые – ненависть, некоторые – стыд, некоторые – смущение, а некоторые – апатию, унижение. Последним упал мужчина средних лет в очках с длинной черной бородой. Он стоял позади всех в центре стены. Несколько пуль из автомата попали ему в грудь. Его борода дрожала на ветру, во взгляде проскользнуло что-то необычное, словно он что-то скрывал. В конце концов он медленно упал плашмя среди груды кровавых тел.

Ло Чжао больше не мог сдерживаться и бросился к этим убийцам. Как раз, когда он чуть не схватил одного из них в чине лейтенанта, свет внезапно погас. Слепляющий белый свет исчез без следа, и темнота снова нависла над Ло Чжоу. Все исчезло.

Неужели все и вправду исчезло? Он подбежал к стене. Ничего не было. Где же эти люди, которые только что были здесь? Люди, которых убивали? На земле было пусто, ничего не было. Все та же белая земля без единой травинки. И эти убийцы тоже исчезли, убралась в свою преисподнюю. Лишь по-прежнему пронизывающе дул холодный ветер.

Ло Чжоу медленно подошел к черной стене. Хотя в полной темноте он не мог ничего четко разглядеть, однако все же дотронулся до стены. Она была холодная как лед, как тело мертвеца. Он сразу отдернул руку, не осмеливаясь больше дотрагиваться до этой стены. Запрокинув голову, он посмотрел на темное небо, но никто не ответил ему.

Черт побери! Откуда же исходил этот белый свет? Он обернулся. Пристройка позади тонула в темноте, ничего не было видно. Он вдруг похолодел: не хотел, как Лао Ли, быть отправленным в психбольницу. Глубоко вздохнув, он поспешно ушел.

Всю дорогу он быстро бежал, завернул за угол и ворвался в пристройку. В темном коридоре он остановился. Куда теперь? Все равно в этот момент, даже съев целый флакон снотворного, он не смог бы уснуть. Вдруг ему пришла одна мысль,

---

и он побежал на второй этаж. Раньше здесь были кабинеты. После банкротства фабрики здесь никто не работал. По памяти он нашел дверь в архив. Она была не заперта. Он толкнул ее, включил свет. Здесь давно никто не работал, и витал запах старых бумаг.

Ло Чжоу раньше работал в этом архиве и хорошо знал расположение материалов. После закрытия фабрики никто здесь ничего не трогал. Он нашел старые архивные материалы фабрики. Оказывается, прежде здесь был НИИ химии республиканского правительства Нанкина, построенный в 1929 г. После 1949 г. НИИ был преобразован в химическую фабрику. Из архива явствовало, что основателя НИИ звали Линь Чженьюнь. Он родился в 1890 г., в 1912 г. уехал учиться в Америку, 17 лет учился и занимался исследованиями за границей, стал знаменитым химиком и первым профессором-китайцем американского университета. В 1929 г. Линь Чженьюнь вернулся на родину и основал в Нанкине этот НИИ химии, занимал должность его директора, готовил кадры для химической промышленности Китая и проводил исследования в области химии.

Затем в самой глубине архивного шкафа Ло Чжоу обнаружил материалы; он внимательно просмотрел их; оказалось, что это – рабочий дневник Линь Чженьюня. Он раскрыл дневник, словно сокровище, и пролистал его. Дневник начинался с 20 октября 1929 г. и закончился 18 декабря 1937 г., он велся на протяжении 8 лет, без единого дня пропуска. Ло Чжоу решил начать с конца и открыл дневник за 1 декабря 1937 г, заполненный аккуратным почерком Линь Чженьюня.

1 декабря. Прибыл магнитный железняк с рудника для Стены в провинции Аньхой. Мы изо всех сил стараемся возвести Стену при помощи этого специфического материала. По моим расчетам, мы должны закончить за 2 недели. Все мои коллеги рады, что этот важный эксперимент будет скоро закончен, мы проводил его, опираясь на свои собственные силы, хотя средств не хватало. Можно считать, что многолетний упорный труд оправдал ожидания.

Но сегодня утром поступило плохое известие: оккупирован Чанчжоу. Говорят, что японцы без разбору убивают невинных людей. Меня снедала тревога. За время военных действий в Шанхае я не спал спокойно ни одной ночи.

11 ноября Шанхай был оккупирован. Многие в институте плакали. Но надеемся, что наша армия сможет защитить столицу.

10 декабря. Благодаря усилиям этих нескольких дней строительство электромагнитной стены вступило в завершающую стадию. Мы начали покрывать ее поверхность индукционным материалом, разработанным нашим институтом своими силами в течение многих лет, такого материала за границей еще нет. Я рад, что сумел создать такой материал для Китая. Кроме того, начали устанавливать электромагнитные лампы. Между ними и стеной – пустырь в 100 метров. Свет от ламп будет проецировать на стену отражения всех предметов в воздухе; таким образом, можно при помощи этой стены запечатлеть изображения.

Но сегодня утром я услышал канонаду. Это значит, что японская армия ворвалась в предместья Нанкина. Не думал, что наша армия не сдержит удара. Армия в несколько сотен тысяч и оборонительные укрепления в предместьях не смогли отразить атаки японцев. Похоже, что дни столицы Республики сочтены. Многие уговаривают меня как можно скорее покинуть Нанкин, если уехать сейчас, то еще можно успеть. Но наш эксперимент сейчас вошел в решающую фазу, никак нельзя откладывать, иначе все усилия пойдут прахом. Я решил остаться и закончить опыты.

---

13 декабря. Увы! Японцы вошли в город. Наш огромный Китай, вопреки ожиданиям, не смог разгромить столь малочисленного врага и отдал столицу в его руки. Нашему поколению поистине стыдно перед нашими предками.

В этот момент Нанкин жил в страшной тревоге, все были в панике от страха, собирались толпами на улицах, разбитые войска не успели убежать и, побросав оружие, ожидали капитуляции. Но я не ушел, как и многие сотрудники института – мы должны выполнить свою миссию. Под грохот пушек стена вот-вот будет закончена. Господи, спаси нас!

14 декабря. В наш институт нахлынули беженцы, у них был растерянный от страха вид, некоторые были ранены. Они рассказали мне, что японцы, как только вошли в город, сразу же начали убивать гражданское население. Стоило им увидеть кого-либо – сразу рубили, все жгли, грабили, многих женщин насиловали. Все были очень напуганы, их дома были сожжены японцами, имущество разграблено подчистую. Улицы являли собой мир ужаса.

Глядя на этих людей, я не знал, что сказать, только ощущал огромное горе и досаду, что я всего лишь ученый и не могу идти сражаться и убивать врагов. В институте хранилось достаточно продовольствия, чтобы перезимовать. Мы распределили его между беженцами и кое-как разместили их в здании института, надеясь, что японцы не найдут их.

15 декабря. Стена наконец-то закончена. Она построена из особого магнита, а ее поверхность покрыта толстым слоем индукционного материала. Когда я смотрю на черную стену, в душе у меня какое-то непонятное чувство – она высокая и прочная, похожа на Великую стену, но она все равно не сможет сдерживать японцев. Я могу только сказать ей – ты родилась не вовремя.

Сегодня один мой студент, невзирая на опасность, ушел из института, чтобы повидаться с родными, в результате он вернулся без руки. Он рассказал, что когда он подошел к своему дому, то обнаружил, что родители убиты, жена покончила с собой после насилия, а его годовалый сын был проткнут японскими итыками в колыбели. В гневе он отправился искать японцев, чтобы отомстить. Они схватили его, но не убили его, а отрубили правую руку, чтобы он вечно жил в горе. Сейчас он вернулся в институт без руки и сошел с ума.

16 декабря. Согласно первоначальным планам, сегодня должно было быть проведено испытание, но сначала мне надо было защитить беженцев. Люди, бежавшие из охваченных войной районов, укрывались в нашем институте. Новости, которые они приносили, становились все ужаснее. Японцы начали буквально вырезать население города без разбора – мужчин, женщин, старых, молодых – безжалостно, словно скот. Один чудом спасшийся беженец рассказал мне – вчера после обеда из приемных пунктов при суде и других увели более 2 тысяч беженцев за ворота Ханьчжунмэнь и расстреляли их из пулеметов, а затем еще кололи итыками; после этого, облив бензином дрова, сожгли. На это было страшно смотреть. Я был потрясен, выслушав это. Сейчас 20-й век цивилизации и вдруг такое варварское массовое убийство мирных жителей; неужели у японской армии совсем нет человеческих чувств? Мы обливались слезами в ужасном горе.

17 декабря. Мы прятались в НИИ, но кровавый запах все равно достигал нас. Весь Нанкин превратился в человеческий ад с горами трупов и морем крови, этот кровавый запах заполнил весь город. Я словно слышал, как кричали тысячи умирающих; кто сможет отомстить за них? У меня было предчувствие, что ситуация будет все более ухудшаться. Сейчас в нашем институте укрывается

более 200 беженцев, очень скоро японцы доберутся сюда. Я смотрю на этих безвинных людей. Среди них много женщин, в том числе беременных, стариков, детей, и меня словно режет ножом по сердцу. У меня нет возможности защитить их перед этими дикими зверями, я не смогу защитить даже самого себя.

18 декабря. Боже, почему ты так несправедлив к китайцам? То, чего я боялся, в конце концов произошло: японцы добрались сюда и ворвались с винтовками наперевес. Я даже увидел, что у одного японца во главе их с сабли капает кровь, а на поясе у этого зверя висело несколько голов китайцев.

Они заперли более 200 беженцев в подвале, а затем мало-мальски красивых женщин отвели в мою лабораторию и изнасиловали. А нас, нескольких сотрудников НИИ, заперли в архиве. Сейчас я не могу ничего поделаться, только писать в архиве свой рабочий дневник. Я понимаю, что никто из нас не выживет, мы погибнем под ножами этих диких зверей под их ножами. Да, мы не избежим смерти. Но я хочу, чтобы наши дети и внуки запомнили наши несчастья, запомнили все случившееся в Нанкине в декабре 1937 г. Уже опустилась ночь, за окнами дул холодный ветер, охвативший весь Нанкин и несущий смерть. Вошел японский офицер, приказал нам приготовить прожектор и осветить пустырь у здания. В нашем институте не было прожектора, была только электромагнитная лампа мощностью 2000 Вт. В это время она висела высоко на стене. Стоит ей только загореться, как все освещенные ею предметы будут отбрасывать свои отражения на стену, а затем будут записаны магнитным материалом стены и навечно сохранены. Надо лишь, чтобы другая такая же лампа снова спроецировала на эту стену – и все записанные изображения появятся автоматически, словно вечное немое кино. И однажды люди обязательно смогут обнаружить эту тайну. Выключатель от лампы был у меня в руках, я включил ее, и пустырь у стены залило ослепительным белым светом. Японцы штыками выгнали беженцев из подвала и заставили их выстроиться перед зданием. Более 200 человек стояли лицом к стене и свету лампы.

В это время этот японский офицер пришел в нашу комнату и приказал нам тоже спуститься вниз – мы будем убиты вместе с беженцами. Я кивнул. Я понимал, что скоро умру, и больше ни за что не цеплялся, я только надеялся, что научный эксперимент, проводившийся в нашем институте, сможет завершиться удачно и сможет, благодаря нашей лампе и стене, навечно записать доказательства этого страшного преступления, чтобы потомкам врезались в память бедствия нашей нации и злодеяния другой нации.

Итак, мой рабочий дневник на этом заканчивается. Я положу его в архивный шкаф, пока его не обнаружат потомки. Прощайте, друзья!

На этом рабочий дневник Линь Чжэньюня заканчивался, это была последняя страница. Дочитав ее, Ло Чжоу все понял. Его захлестнула огромная боль и возмущение, он тяжело дышал, словно сам испытал все, что было записано в рабочем дневнике.

Ветер за окном продолжал завывать. Сейчас Ло Чжоу понял: та черная стена на самом деле – это огромная видеокамера, она записывает все, что происходит при свете электромагнитной лампы, а затем при свете другой лампы снова проясляет изображение. То, что он только что видел, – это изображение, записанное в тот год у стены, т. е. массовое убийство во время бойни в Нанкине. Он знал – раньше никто не смог бы при помощи видеокамеры записать массовое убийство во время бойни в Нанкине, а эта стена записала. Это неопровержимое доказательство, доказательство, от которого невозможно отпереться.

В самом конце дневника Ло Чжоу увидел еще фотографию Линь Чжэньюня, под которой было написано “Дата съемки 5 декабря 1937 г.”. На фото Линь Чжэньюню было 40 с лишним, он был в очках, с длинной черной бородой. Точно, это он, тот мужчина средних лет, которого он видел упавшим последним у стены, это Линь Чжэньюнь с фотографии. Он вместе с этими беженцами разделил горе страны и погиб под дулами японских винтовок, а созданное им гениальное изобретение, Стена, все это преданно записала.

Ло Чжоу осторожно сложил рабочие дневники в портфель. Он должен сбереечь эти драгоценные материалы, нельзя, чтобы они были уничтожены вместе с этой пристройкой.

Вдруг он услышал громкий звук. Это не ветер, нет. Что случилось?

Ло Чжоу испугался, он вдруг догадался. Нет, нет! Он стремительно бросился с портфелем из архива, сбежал вниз по лестнице, выбежал из пристройки и завернул за угол. Он снова увидел ослепительный свет, а также взметнувшуюся пыль. При сильном свете он увидел бульдозер, огромный бульдозер, самый большой из известных ему марок, который при помощи огромного ковша обрушивал черную стену.

Нет! Ло Чжоу громко закричал. Это доказательство преступления, доказательство убийства, они уничтожают улики! Он увидел японцев в красных касках и в европейской одежде, они стояли на пустыре и с довольным видом руководили операциями бульдозера. Обнаружив Ло Чжоу, они презрительно посмотрели на него. Уже не успеть, не успеть! Огромный японский бульдозер обрушил стену, высоко взметнулась пыль... Нет, это не пыль, это особенный магнитный железняк, превратившийся под бульдозером в руины. Стена исчезла, Ло Чжоу опустился на колени перед ее руинами. Это улика, это уничтоженное доказательство. Он понял, почему японцам приглянулась эта фабрика – потому что они знали тайну, таившуюся в этой черной стене, у них был замысел обанкротить фабрику, а затем купить эту землю и фабричные здания и, как последний шаг – уничтожить улики. Помешательство Лао Ли – это тоже из-за того, что благодаря лампе эти изображения проявились. И прежние рассказы о чертях, наверное, тоже возникли из-за природных факторов – молний, грома и т.п.

Оживленно переговариваясь и смеясь, японцы уехали, бульдозер тоже уехал, остались лишь развалины стены. В глазах Ло Чжоу блеснули слезы. Промчался бешеный ветер, взъерошив его волосы и придав ему страшный вид. Он смотрел в глубину черной ночи. Бескрайняя ночь по-прежнему накрывала этот город. Он поднял руку, вытер слезы и, выпрямившись, поднялся с земли. Он вдруг почувствовал, что наконец повзрослел. Запомните – 13 декабря 1937 г., Китай, Нанкин.

Приписка: с уважением посвящаю этот рассказ всем соотечественникам, погибшим в нанкинской бойне .

Пер. с кит. Лилиан Григ